

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Евгений Велтистов
**РЭССИ –
НЕУЛОВИМЫЙ
ДРУГ**



Приключения Электроника и его друзей

Евгений Велтистов

Рэсси – неуловимый друг

Издательство «Детская литература»

1970

Велтистов Е. С.

Рэсси – неуловимый друг / Е. С. Велтистов — Издательство «Детская литература», 1970 — (Приключения Электроника и его друзей)

Вторая книга Е. Велтистова из цикла о необычном мальчике Электронике и его друзьях – учениках восьмого «Б» класса. Заскучавший во время школьных каникул, Электроник конструирует себе необычного друга – Редчайшую Электронную Собаку, Страуса И так далее, сокращенно – Рэсси. Вместе с этим забавным черным терьером ребят ждут новые захватывающие приключения. Для среднего школьного возраста.

© Велтистов Е. С., 1970
© Издательство «Детская
литература», 1970

Содержание

Дорогие ребята!	6
Рэсси – неуловимый друг	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Велтистов

Рэсси – неуловимый друг

© Баранова М. П., 1971

© Караваева Е. П., рисунки, 1971

© Борисов А. А., рисунки на переплете, 2009

© Оформление серии, предисловие. ОАО «Издательство „Детская литература“», 2009

Дорогие ребята!



Евгений Велтистов

Персонажи полюбившихся книг остаются не просто в воспоминаниях – они становятся друзьями. Писатель Евгений Велтистов знал это наверняка, поэтому, окончив писать свою фантастическую повесть «Электроник – мальчик из чемодана», он решил не огорчать юных читателей и подарить им новые приключения своих героев.

Завершился учебный год, когда ребята из школы юных кибернетиков познакомились с необычным мальчиком – Электроником, как две капли воды похожим на их друга, Сергея Сыроежкина. Закончились первые приключения, и ребята разъехались отдыхать на летние каникулы, оставив Электроника одного. Чтобы не скучать, он решает завести себе собаку. Но у электронного мальчика и собака должна быть электронной, поэтому вместе со своим наставником, профессором Громовым, он конструирует Рэсси. Редчайшая Электронная Собака, Страус

И так далее оправдала свое название: она летает по воздуху, плавает под водой, а в финале повести Рэсси отправляют на Юпитер!

Рэсси очень нужен ученым, но больше всего он нужен Электронику, своему другу. Вы скажете: Электроник – робот, машина, которая не может испытывать эмоций. Да, робот, но в конце первой книги Электроник научился смеяться, а ведь еще древние говорили, что способность смеяться – это дар, присущий только человеку.

Герои книги тоже относятся к Электронику как к живому человеку. Для профессора Громова Электроник – ученик, и, как наставник, Громов помогает электронному мальчику решать не только математические, но и сложные жизненные задачи. Для учителя Таратара он – ассистент, гениальный восьмиклассник. А для ребят из восьмого «Б» Электроник – друг.

Помогая одноклассникам Сергея, Электроник и сам учится задавать вопросы и искать ответы, признает, что он знает далеко не всё. Он любознателен, как и всякий ребенок. В финале повести профессор Громов задумывается уже над тем, как научить свое творение фантазировать.

Шаг за шагом Электроник приближается к высокому званию Человек: он соперничает другим, приходит на помощь в нужный момент. Электроник забывает о том, что «надо» и «разумно», когда его собаке грозит опасность, несмотря ни на какие препятствия, едет выручать своего друга Сергея. И именно слово «друг», произнесенное Сергеем, заставляет Рэсси ожить.

В книге происходит много приключений: ее персонажи путешествуют на слонах по Индии, отправляются в погоню за опасными «сонными стрелками», попадают в подводный город и спасают уникального синего кита Нектона.

Окончив читать эту повесть, не спешите прощаться с Электроником, Рэсси, Сергеем Сыроежкиным и другими учениками восьмого «Б». Вас ждет третья книга Е. Велтистова – «Победитель невозможного».

Рэсси – неуловимый друг



Маленький европейский аэропорт Теймер славился своей аккуратностью.

Через несколько минут после посадки пассажиры вошли в здание вокзала. На длинной стойке были расставлены чемоданы: овальные и квадратные, расписанные орнаментом и облепленные ярлыками, плетеные и непроницаемые. Носильщики доставляли их к машинам. Чемодан, похожий на футляр контрабаса, бережно погрузили в новейший «шел». Хозяин расплатился с носильщиками и, сдвинув на макушку шляпу, укатил на большой скорости.

Никто из пассажиров не заметил, как клетчатая сумка, стоявшая в ряду чемоданов, соскользнула со стойки и поднялась в воздух. И только когда раздался изумленный возглас: «Что такое? Это моя сумка!» – все, кто был в зале, подняли голову и увидели клетчатую сумку, которая странным образом направлялась к открытым дверям. Вслед за сумкой носильщики, пассажиры, служащие высыпали на привокзальную площадь и убедились в удивительной способности обычной дорожной сумки, в которой может уместиться лишь пара белья да термос. Сумка летела над крышами Теймера, набирая высоту.

– Что за шутки?! – кричал старый человек, стуча палкой о камень. – Извольте вернуть мою сумку! Вот квитанция!..

– Небольшое недоразумение. Сейчас выясним. Все уладится.

Растерянный дежурный увел пассажира в служебное помещение. Такой невероятный случай, и именно в его смену!.. Однако пропажа есть пропажа, и без полиции не обойтись.

Вертолет полицейской службы поднялся через десять минут (полицейский инспектор подробно расспросил дежурного аэровокзала о всех деталях происшествия). В голубом небе вертолет выглядел чудовищной желтой бабочкой. С металлическим треском полицейская «лимонница» пронеслась над улицей, где был замечен летящий предмет, и повисла над рекой, огибавшей старую часть города. Взлохмаченная темно-зеленая гора с особняками высилась за рекой; стекло, металл, полированный камень отражали солнечные лучи. Вертолетчик, шурясь, смотрел, как автомобили пересекали реку по двум мостам, поднимались в гору с разных сторон. И поскольку летать над зоной отдыха можно было лишь в случае крайней необходимости, дежурный полицейский решил обогнуть гору со стороны нового, висячего моста, не углубляясь особенно далеко.

Спустя несколько минут полицейский с удовлетворением услышал по радио, что именно над этой дорогой постовой-регулирущик видел летящий пестрый предмет. Теперь зоркий глаз вертолетчика скользил по крышам дач, замечал дорожные автомобили, исследовал волнистую зелень.

Черный «шел» тормозит у ворот. За ними – двухэтажные дома, великанские шапки платанов, посаженных лет триста назад. Стоп! Дальше для вертолета запретная зона, один только «шел» может пересечь невидимую границу. Автомобиль принадлежит господину Манфреду фон Кругу – почетному доктору, потомственному барону, известному изобретателю. Как и земля, на которой прочно стоят платаны, и дома лабораторий, и само небо над ними.

Ни один мальчишка не решится перелезть через низкий бетонный забор, хотя запрещающих табличек на ограде нет. Вообще никаких официальных надписей, кроме скромной эмалированной дощечки: «Рабочие и служащие не требуются». Туристы, которые приезжают фотографироваться у ворот лаборатории фон Круга, бывают разочарованы, увидев бетонный забор. Но потом, показывая снимки знакомым, с гордостью говорят о скромности ученого. И эти фотографии вызывают гораздо больший интерес, чем костел XV века, картинная галерея или другие достопримечательности старинного Теймера. Манфред фон Круг! Оказывается, вот где он работает – в затененных зеленую коттеджах совершаются мировые открытия...

Вертолет развернулся и улетел осматривать гору с другой стороны.

На безлюдную платановую аллею, в густую траву, упала сверху клетчатая сумка. Раздался треск. Из сумки выскочил черный, заросший до самого носа пес. Он отряхнулся, как делают все собаки, когда неприятности уже позади, а потом бросился бежать по аллее, где только что проехал «шел» с грузом в багажнике. Бежал пес неуклюже, но резво и зло, отталкиваясь от асфальта короткими, кривыми, крепкими лапами.

По прыжкам, по особой лохматости, по машущим, как флаги, ушам безошибочно можно было определить, что это терьер. И наверное, терьер особых кровей, особой живучести, раз он нашел в себе силы после такого ошеломительного и долгого полета, полета «вслепую» – в темной, закрытой на «молнию» дорожной сумке – броситься по следам «шела». Того «шела», который он преследовал от самого аэровокзала.

Полицейский после облета составил служебный рапорт в несколько строк. Инспектор написал на рапорте заключение: «Обстоятельства не выяснены. Сумка не найдена. Убытки пассажиру оплачены авиакомпанией. Претензий нет».

за несколько лет он стал первым помощником знаменитого барона фон Круга. Конечно, не по научным делам – здесь профессор доверял только себе, – а по всем остальным. Урри был главным администратором. И хотя квадратно-непроницаемое лицо главного администратора обычно не выражало чувств, сотрудники научились угадывать, в каком он бывает настроении. Те, кто видел, как Урри вел профессорский «шел», конечно, понимали, что администратор чувствует себя значительной личностью.

«Урри не знает ученых формул, но что бы вы делали без Урри! – философствовал главный администратор, внося чемодан в комнату. – В этой коробке – одна железная штука, которая, как я понимаю, стобит больше, чем все ваши идеи. Мик Урри своими руками добыл гениальное открытие. Для господина профессора. Для всей вашей науки». – Размышляя так, Мик Урри, как обычно, не очень-то почтительно обращался к своим ученым коллегам.

Поставив чемодан-контрабас, Урри позвонил по видеотелефону.

– Это я, господин профессор, – бодро произнес он. – Привез то, что обещал.

– Оставь машину в приемной. Я жду тебя, – сказал хозяин.

Урри молча поклонился экрану. Щелкнул замками, откинул крышку чемодана, пристально оглядел лежащего там мальчика. Электронный мальчик был очень похож на настоящего, и все же это, как говорят ученые, машина, модель. Длинными руками Урри достал из футляра модель, аккуратно уложил на диван.

– Железный, а теплый, – негромко, словно удивляясь, пробормотал Урри. – Мотор работает – значит, я хорошо довез.

Электронный мальчик лежал без движения: ресницы опущены, рубашка чуть смялась, на ногах потрепанные кеды. Вот эти-то кеды чуть смутили администратора: он увидел на подошвах треугольное клеймо «Луч». Неужели электронные модели носят фабричные кеды? Впрочем, Урри свое дело сделал, в деталях разберется хозяин...

– Здравствуйте, господин профессор фон Круг.

Всякий раз, входя в доступный лишь избранным кабинет, главный администратор невольно робел и называл хозяина полным титулом. Кабинет был без окон: профессор любил полутьму. Хозяин сидел за массивным столом, окруженный экранами, телефонами, пультами. Тонкие нервные пальцы фон Круга, как обычно, на кнопках настройки. За спиной профессора во всю стену декоративный ковер: переплетение гибких, сильных тел, рога, клыки, когти, хвосты – тысячи и тысячи экзотических животных, уничтоженных человечеством.

– Садись, Урри, – сказал фон Круг, не отрываясь от экрана, на котором четко был виден диван с лежащим мальчиком. – Подробности изложишь позже. Я хочу посмотреть, что за модель ты привез.

– Что было заказано, – бесстрастно доложил администратор, испытывая спиной прочность кубического кресла. – Это модель типа «Электроник». А проще – обыкновенный железный мальчишка.

– Ну конечно, Урри, я не сомневаюсь в твоей точности. – Профессор едва заметно поморщился: он не хотел повторять подробности деликатного задания. – Важна первая реакция машины на незнакомую обстановку. Понятно?

Мальчик лежал не шевелясь, в той же позе, в какой его оставил Урри. Прошло несколько минут – несколько минут в напряженном рабочем дне профессора. Фон Круг вопросительно смотрел на помощника. Разведенные руки Урри свидетельствовали: сделано все, что можно, дальше должна вмешаться наука.

Профессор нажал на одну из кнопок, и в комнату, где находилась модель, въехал металлический ящик, подкатил на колесиках к дивану. Красный глаз уставился в лицо спящему. Из корпуса выполз гибкий прут, коснулся обнаженной руки.

Мальчик вздрогнул. Веки на мгновение поднялись и сомкнулись. Губы чуть заметно шевелились. Профессор усилил звук.

– Рэсси, Рэсси, ты могуч... – Тишину кабинета прорезал жаркий шепот. – Ты, Рэсси, гоняешь стаи туч... – Экран крупно показывал ленивые, будто через силу открывающиеся губы модели. – Ты гуляешь, Рэсси, в море... Всюду веешь на просторе...

Профессор внимательно смотрел на экран.

– Кого он призывает? Похоже на рифмованный машинный бред.

А тот, кого призывал лежащий без сознания, в ту же секунду услышал свое имя и, изменив направление, помчался через цветочные клумбы к особняку...

Электрический прут машины пустил более сильный заряд тока. Мальчишка внезапно сел, увидел направленный на него машинный глаз, забарабанил руками и ногами по дивану, закричал:

– Не хочу! Уходи! – И потом совсем непонятные слова: – Не боишься никого, даже черта самого! – и снова упал на диван.

Фон Круг нахмурился, встал из-за стола.

– Это напоминает мне систему свободного воспитания. Именно ее воспроизводит данная модель...

Профессор направился в соседнюю комнату. Он обращался не к Урри, который застыл в кресле, а к самому себе:

– Доктор Эссен выписал себе племянников из Англии... Его предупреждали, что дети обучены в модном стиле свободного воспитания, но доктор не обратил на это внимания. За первым же обедом юные родственники забросали стены свежими томатами... А когда дядюшка попытался открыть рот, ему в голову угодила тарелка... Итак, чем все это грозит мне?..

– Молодежь... – только и успел сказать вслед фон Кругу его помощник.

Мик Урри видел на экране, как профессор с минуту пристально смотрел сквозь темные очки на притихшую модель. Потом легким движением руки коснулся волос, подбородка машины... Внезапно дернул руку, отскочил и почти бегом, оглядываясь через плечо, двинулся к двери.

Такой странной походки у хозяина Урри еще не видел. Он не успел сообразить, что произошло, но на всякий случай встал с кресла, вытянул руки по швам.

– Что ты привез? – каким-то хриплым, чужим и, как показалось Урри, зловещим голосом произнес профессор, выростая в дверях. – Я спрашиваю тебя, Мик Теодор Макс Урри! Кого ты привез?!

Мик Урри, которого впервые в жизни назвали полным именем, мужественно смотрел в бездонно-темные очки хозяина. Он ничего не понимал. Разбуди его посреди ночи – он мгновенно описал бы машину модели «Электроник». Он выучил задание наизусть, он не мог ошибиться!

– Ты привез живого мальчишку, – очень тихим голосом сказал фон Круг. – Первого попавшегося мальчишку с улицы. Он меня укусил. Вот. Понятно, да?

Мику Урри почудилось, что за его спиной на ковре зашевелилось зверье, усмехаясь дерзкими мордами. Один Урри мог оценить состояние фон Круга: хозяин даже знаменитостям остерегается подавать руку. И вдруг – палец! Бесценный профессорский палец укусил какой-то грязный мальчишка!..

Нелепая случайность могла оборвать карьеру главного администратора. Нахлобучив шляпу, стараясь не смотреть на белый профессорский палец, Урри ринулся из кабинета.

– Убрать и водворить на место! – услышал он сухой приказ. – Чтобы не было никакого скандала. Это всё, Урри...

Тяжело дыша, Урри ввалился в комнату, наполненную солнцем. Он еще не видел дивана, моргая после темноты от обилия света, но направился прямо к мальчишке. Раздался звон разбитого стекла. Урри застыл. На подоконнике лежало какое-то лохматое существо. Пряди шерсти закрывали его морду, но Урри отчетливо различал горящие, полные решимости глаза.

– Рэсси! – Мальчишка вскочил на диван, заплясал от внезапной радости. – Рэсси, ко мне! Собака прыгнула, не коснувшись пола, к мальчишке, и тот схватил ее, прижал к груди.

– Рэсси, неужели это ты, Рэсси! Ты меня нашел! – задыхался от радости мальчишка, а собака в ответ повизгивала.

Урри пятился к двери, ища глазами какой-нибудь предмет. Лохматый терьер, одним прыжком преодолевающий добрый десяток метров, мог показать и свои зубы... Плечом Урри задел металлический ящик. Выхватил из машины стальной прут.

– Эй, ты, хватит здесь цирк устраивать! – хрипло сказал Урри.

Мальчик оглянулся. Глаза его блеснули.

– Рэсси, прогони его! – попросил мальчик, указав пальцем на квадратную фигуру.

Они познакомились совсем недавно – Сергей Сыроежкин и Рэсси.

В тот день Сыроежкин приехал из пионерского лагеря. Войдя во двор, он бросил чемодан у подъезда и со всех ног помчался к школе. Сергей совсем не думал, что он, вчерашний семиклассник, возвращается после лета уже восьмиклассником, – он бежал в школу. Бежал в кабинет математики. К своему другу – Электроник!

Вот кабинет. На двери – тетрадный лист: «Без вопроса не входить! *Электроник*».

Сергей улыбнулся и распахнул дверь.

Мальчишка, очень похожий на него, Сергея, сидел за столом и читал толстенную книгу. Сыроежкин даже удивился, будто впервые увидел своего электронного двойника, – такой же курносый нос, оттопыренные уши, веснушки. И усмехнулся: как важно расселся Электроник! Ничего не скажешь – помощник самого Таратара, учителя математики!

– Здравствуй, Электроник! – крикнул Сыроежкин, от души хлопнув его по плечу.

Электроник отодвинул книгу, спокойно поднял голову и вскочил.

– Здравствуй, Сережка! – Электроник сжал руку друга с такой силой, что у того нос сморщился и покраснел. – Что, каникулы окончились?

– Всё! Я приехал навсегда! – Сыроежкин сиял. – Здорова жмешь, Электроша! Так надо встречать друзей!

Они внимательно посмотрели друг на друга и улыбнулись, как заговорщики, каждый узнал самого себя – будто в зеркале.

– Я – это ты, – сказал Сыроежкин.

– А ты – это я, – подтвердил Электроник.

Понятна радость Сыроежкина, заставшего прилежного своего двойника в школе. Он точно предвидел: Электроник не теряет зря ни минуты. Для других каникулы – сплошной волейбол, футбол, купание, загорание и безделье. А Электроник – будущий ученый, чемпион мира по математике. Все лето день и ночь штудировал двойник Сыроежкина книгу за книгой. Может, обогнал и самого Таратара – лето ведь длинное.

Разглядывая Электроника, Сергей сразу не заметил под столом черного взъерошенного пса. А когда заметил – удивился. Даже на короточки присел.

Пес смотрел на Сыроежкина из-под нависших прядей и не шевелился. Изучал.

– Кто это, Электроша?

– Это Рэсси, – спокойно сказал друг.

И хотя Сыроежкин с первого взгляда понял, что лохматый терьер сильнее дога, боксера, овчарки, сильнее и хитрее даже дикой собаки динго, было еще что-то таинственное в маленьком, очень спокойном Рэсси...

– Он твой – Рэсси?

– Моя конструкция.

Сыроежкин просиял: да разве его Электроник стал бы тратить силы на какую-нибудь заурядную собаку!.. Рэсси – это вам не Рекс и не Рем...

– Привет, Рэсси! – окликнул пса Сергей.

Рэсси молчал.

– Ты, Сергей, мой друг, – скрипуче произнес Электроник, – и потому с этой минуты Рэсси будет слушаться тебя, как и меня.

– Я – это ты... – напомнил Сергей. – Значит, и для Рэсси тоже?..

– Слышишь, Рэсси? – спросил Электроник, и пес послушно махнул хвостом. – Мой друг Сергей – твой хозяин, как и я. Его слово – закон!..

Рэсси внимательно глядел то на Электроника, то на Сыроежкина и молчал. Сергей почувствовал серьезность приказа, но не представлял, насколько это важная в его жизни минута. Сергей не знал еще, что перед ним особая машина, которой не нужно повторять приказы дважды; не знал, что машина навсегда запомнит первое знакомство; что слово «друг» для нее теперь значительнее всех остальных слов – это особый его, Сыроежкина, пароль – и что вообще Рэсси – это Рэсси.

– Привет, Рэсси! – весело повторил новый хозяин. – Привет, лохматенция!

Пес, заглянув в глаза Сыроежкину, кротко твякнул и неожиданно протянул лапу.

– Ха-ха, лохматенция! – проскрипел Электроник, наблюдая церемонию.

– Вот так Рэсси! – расхохотался Сережка, тряся мохнатую лапу.

И вот тут-то, под столом учителя, сидя на полу в окружении друзей, Сыроежкин окончательно поверил, что все случившееся с ним весной этого года было на самом деле. Он вспомнил: зеленый косогор у реки, яркое солнце и прямо на него вылезает из кустов кто-то очень знакомый, в такой же синей куртке, – сбежавший от профессора Электроник. А за ним волочится по траве шнур с вилкой для включения в сеть. А потом этот двойник жмет ему руку так же крепко, как и сегодня, и называет его другом. Они сразу же поверили в крепкую дружбу, поверили в то, что их ждут необычайные приключения.

И сейчас, видя, как смеется его друг, Сыроежкин подумал, что они знакомы будто тысячу лет.

А если с тобой рядом такой друг, как Электроник, значит, впереди еще немало разных историй.

– Ну-ка, лохматенция, покажи, что ты умеешь! – приказал Электроник.

Они вылезли из-под стола. Рэсси подпрыгнул до потолка, дважды кувыркнулся в воздухе и приземлился на все четыре лапы.

– Дрессированная соба-ака!.. – изумленно протянул Сыроежкин. – Знаешь, я сразу понял, что Рэсси самый ловкий в мире пес. Терьеры – они легко поддаются дрессировке.

– Собака – это еще не всё, – загадочно произнес дрессировщик.

– А что же?

Электроник подвел приятеля к доске. Среди длинных непонятных формул Сережка прочитал:

«Технический паспорт.

Имя: Рэсси – Редчайшая Электронная Собака, Страус И так далее».

– Страус?! – Сыроежкин вытаращил глаза.

– Лучший в мире стайер, – пояснил Электроник. – Стометровка – за три и две десятых секунды. Пожалуйста, вот формулы.

– Ого! Так не бегаешь даже ты! – похвалил конструктора Сыроежкин и стал читать дальше.

«Класс: Модель современная.

Тип: Неуничтожимая».

– Здрóрово! – выдохнул Сыроежкин. – Неуничтожимая! Не горит, не тонет, не плавится, не ломается, не разбивается, двоек не получает и всегда в хорошем настроении. Так?

– Приблизительно так. По новейшей теории моего учителя, профессора Громова. Это самая совершенная модель, – ответил Электроник, а Рэсси, лежавший у его ног, замахал куцым хвостом.

«Основное правило поведения, – читал дальше Сыроежкин, – четкое выполнение приказов, которые дает хозяин. Самостоятельность и свобода действий помогают модели соблюдать основное правило поведения».

В этом пункте Электроник мелом дописал после слова «хозяин»: «и его друг». На что Рэсси утвердительно гавкнул, словно умел читать.

Электроник вынул из кармана маленькую металлическую коробку, протянул Сергею:

– Возьми. Это транзистор. Теперь Рэсси услышит тебя хоть за сотню километров. Ты – хозяин. Ты – друг. Я это уже говорил, Рэсси запомнил. Возьми!

Сергей осторожно взял легкий серебристый транзистор, не веря, что это – ему.

– Но я за лето забыл все формулы, все теоремы, которые знал. Как я буду командовать Рэсси?

– Командовать можно и обычными словами. Рэсси переводит их сам на язык формул.

Сергей облегченно вздохнул, тихо сказал в серебристую решетку транзистора:

– Рэсси, ко мне!..

Пес одним прыжком подскочил к новому хозяину, замер у ног.

Сергей внимательно осмотрел терьера: стоячие уши – одно чуть длиннее другого, умные глаза за космами шерсти, хвост морковкой. Раздвинул усы и, заглянув в рот, увидел красный язык и кинжалы острейших зубов. Пощупал прочные, удлиненные ступни.

– Как настоящая! – вздохнул Сергей.

– Точность до последнего волоска! – похвастал Электроник.

– И лает.

– Лают не одни собаки. Умеют лаять шакалы, лисицы, гиены, белухи, некоторые рыбы. Даже воробей, когда очень рассердится, рычит, будто собака. – Электроник, как обычно, все на свете знал и не допускал неточности в речи собеседника.

– Постой, – сказал Сыроежкин, потирая ладонью лоб. – Ничего не понимаю, все перепуталось в голове. Неужели то, что здесь написано, про Рэсси? – Он показал на доску.

– Я и так стою возле тебя, – серьезно отвечал Электроник. – Что тут непонятного? В первой же строке сказано, чей это технический паспорт.

– «Редчайшая Электронная Собака, Страус И так далее», – перечитал Сергей. – Значит, и для меня Рэсси будет Страусом И так далее?

– Конечно. Мы уже решили раз и навсегда.

– Но ведь Рэсси не страус, не кошка, не дельфин, не ворона, – задумчиво продолжал Сергей.

– Не дельфин, не ворона, – подтвердил Электроник. – Он – всё вместе. Рэсси – это Рэсси, машина специальной конструкции.

– Гениально! – вздохнул Сыроежкин. – Как ты это придумал?

– Когда все разъехались на каникулы, – стал рассказывать о себе Электроник, – я сначала не знал, что мне делать. Я, конечно, читал, занимался с отстающими, подготовил учебный материал для Таратара – все это пустяки. Заходила однажды старушка, просила найти пропавший бидон. Я нашел. Звонил Виктор Неделин, знаешь, из десятого «А». Ему стало скучно на Черном море, и он решил потренироваться со мной в решении задач. Потренировался и больше не звонил... То и дело заглядывали разные люди. Придут, спросят: «Электроник?»

Посмотрят на меня, покачают головой и уходят. Вот я и повесил на двери: «Без вопроса не входить!» Без умного, конечно, вопроса.

Сереже стало жалко Электроника. Пока он в лагере гонял мяч, плескался в реке, уплетал завтраки и ужины, пел до хрипоты у костра, его друг проводил время в пустом и пыльном кабинете математики...

Правда, чуть позже, после встречи с учителем, жизнь Электроника переменялась. Профессор Громов привел его в институт и показал свою новую работу. Электроник внимательно читал страницы, заполненные мелким профессорским почерком. Он был хорошим математиком и достойным учеником Громова: не только мгновенно запоминал схемы и формулы, в них он видел смелое решение новых законов – законов движения, зрения, слуха, равновесия, выбора направления, защиты от опасности.

В эти минуты Электроник вообразил необычное существо...

– Ты все понял? – спросил Гель Иванович, внимательно поглядев на ученика.

– Понял, – спокойно подтвердил Электроник.

– Видишь ли, мне нужна твоя помощь. Эти формулы для одного уважаемого научного журнала, который торопит меня со статьей. Но здесь не завершены некоторые расчеты. Я могу, конечно, сделать их сам, но ты считаешь гораздо быстрее меня.

– Завтра расчеты будут готовы.

– Прекрасно! – обрадовался профессор. – Значит, у меня в запасе еще один день, чтобы написать статью.

Электроник остался в лаборатории Громова. Он начал прилежно выполнять задание. Учителю он ничего не сказал о том существе, которое виделось ему в формулах, которое он потом назовет именем Рэсси...

Быть может, в ту ночь электронный мальчик представил свое появление на свет. Вспомнил громоздкие счетные машины, которые непрерывно проверяли сложные схемы. Вспомнил, как слой за слоем из тончайших пленок складывался его организм. И момент, когда он впервые увидел этот огромный сложный мир...

Утром Гель Иванович, подойдя к двери, услышал странное жужжание. Ни один из механизмов в его лаборатории не издавал подобных звуков. Профессор взглянул на табличку, убедился, что жужжание доносится именно из его комнаты.

Войдя в лабораторию, Громов застыл на месте. Сломанные приборы, пустые футляры счетных машин, разбросанные на полу блоки и детали свидетельствовали, что с его учеником случилось непоправимое. Вот и он – посреди груды деталей. Спокойно поднимается, увидев учителя, здоровается, говорит:

– Извините, профессор, я не закончил работу, не успел навести здесь порядок.

– Та-ак... – сказал Громов, доставая из кармана свою знаменитую трубку. – Так-так... – повторил он, раскуривая трубку и немного успокаиваясь. – Итак, это – порядок... – Он оглядел разгромленную лабораторию. – Порядок, по-моему, совсем другое положение вещей. О каком порядке, Электроник, ты говоришь?

Его снова удивило непривычное жужжание. В углу комнаты работала какая-то машинка размером с портфель. Видимо, ради нее Электроник и разобрал столько техники. Маленькая, а шумит на всю комнату!..

– Не может она работать потише? – спросил Гель Иванович, подойдя к машине.

Электроник развел руками.

– Сейчас сюда сбежится весь институт, и мне нужно объяснить дирекции, что все это – идеальный порядок!.. Придется разобрать твое изобретение.

Что мог возразить ему ученик? Вместе они разобрали машину.

Сидя на полу среди разложенных деталей, Гель Иванович курил трубку. Потом он сказал:

– Любопытно... А что, если снова собрать эту модель? Может, она будет шуметь поменьше?

– Ручаюсь, что Рэсси будет очень молчаливым, – подхватил Электроник. – Он никому не помешает!

– Рэсси? – переспросил Громов. – Почему Рэсси?

И тогда Электроник расшифровал имя того странного существа, той новой машины, которую он представил себе во всех подробностях, прочитав и обдумав работу профессора. Он говорил о нем, как о живом, и Громова поразила его убежденность. Учитель слушал ученика, совсем забыв, что перед ним электронное подобие человека; слушал, забыв, что это его ученик; слушал, как коллега коллегу, и размышлял про себя: «Рэсси... Неплохо придумано! Даже электронному мальчику нужен друг. По-моему, есть все основания сделать Рэсси прежде всего собакой».

Учитель и ученик собрали вновь маленькую машину. На этот раз она работала беззвучно. Потом приходили ученые из соседних лабораторий и улыбались, разглядывая новое творение, – всем была известна привычка профессора придавать своим изобретениям необычные формы. А на другой день сотрудники принесли альбомы и фотографии породистых собак, два доктора наук демонстрировали своих домашних четвероногих друзей. После долгих обсуждений учитель и его ученик выбрали за образец лохматого черного терьера. Так родился Рэсси, любимец всего института.

– Значит, это ты изобрел Рэсси? – спросил Сыроежкин, выслушав друга.

– Нет. – Электроник покачал головой. – Это не моя идея. Но мой учитель как-то сказал: «Мысли, которые пришли мне в голову, я мог бы превратить из-за собственной непрактичности в громоздкое сооружение. К счастью, мой ученик, обладая точностью и здравым смыслом, сумел за одну ночь разобрать все приборы и построить очень маленькую, прекрасно действующую машину».

– Ага, раз он так сказал, значит, ты конструктор! – настаивал Сергей.

– Не торопись с выводами, – предупредил Электроник. – Я мог бы давным-давно построить собаку. Но кем бы был Рэсси без новых формул? Глупым черным ящиком с хвостом – и все.

– Мне он кажется умным, – сознался Сергей.

Впечатлений было так много, что Сыроежкин забыл уточнить, что значили непонятные слова «И так далее» в имени Рэсси.

На другой день после знакомства Сыроежкина с Рэсси друзья отправились в институт, где, как загадочно сказал Электроник, должна состояться очередная тренировка модели. Сергей ожидал, что они придут на спортплощадку или на какую-нибудь просторную аллею, измерят там стометровку, и Рэсси промчится, ко всеобщему удовольствию, за три и две десятых секунды. Но они миновали газоны с крупными осенними цветами, взошли по мраморной лестнице и стали бегать между толстыми колоннами, совсем было забыв, зачем пришли в этот дом, пока их не прервал знакомый голос:

– Рад видеть дружную компанию.

Профессор Громов с удовольствием наблюдал игру ребят и собаки. «Все мы одинаковы в детстве, – подумал Громов, – любим бегать, толкаться, прыгать, визжать. Оленята скачут по поляне, белки перепрыгивают с дерева на дерево, выдры скользят на лапах по первому льду, даже глупые утки, замерев, несутся вместе с бурным течением – это особая радость движения, скорости, наслаждения миром. Вот кружат двое между колонн, лает собака – и им хорошо».

Но урок есть урок, время Большой электронной машины расписано по часам, и Громов вынужден окликнуть друзей.

– Удивляюсь, как только Рэсси вас различает! – шутливо заметил профессор. – Вот что может натворить случайная фотография в журнале. Не успели мы сделать по этой фотографии

Электроника, как тут же появился оригинал и все на свете запутал... Виноват, прошлое ворошить не буду, можешь не хмуриться, дорогой программист. Между прочим, Электроник, учти, что ты единственный электронный мальчик, который умеет смеяться. Ни одна машина в мире еще не наделена эмоциями. Ученые не знают, к чему это приведет. Можно сказать, Электроник, ты первый опытный образец, и мы с Сергеем отвечаем за все последствия. Прошу тебя как можно критичнее относиться к себе...

Гель Иванович Громов привел друзей в машинный зал, усадил на пружинящие стулья перед разноцветными кнопками пульта.

Рэсси, повинувшись знаку, лег на пол.

– Командуй, – сказал профессор, подавая Электронике исписанный лист. – Вот условия задачи. – Сам он остался стоять за спиной Сыроежкина. – Сейчас, Сережа, начнется игра в погоню: преследователь и преследуемый. Очень азартная, с разными хитростями, но, разумеется, математическая игра. Я постараюсь кое-что тебе объяснить, если пойму сам.

Электроник застучал кнопками, вводя условия в машину, и одновременно запищал каким-то странным, комариным голосом. Громов кивнул на Рэсси, и Сергей догадался, что Электроник, не теряя даром времени, очень быстро читает задачу механической собаке.

Они отлично понимали друг друга – конструктор и его творение. Электроник мог отдавать команды Рэсси словами, цифрами или формулами – в полный голос, шепотом и даже молча, про себя: их миниатюрные передатчики работали на одной волне. Конечно, это не значило, что Рэсси понимал все слова человеческой речи и что он мог в одно прекрасное утро заговорить о хорошей погоде, – будь так, Рэсси, наверное, звали бы не Рэсси, а иначе. Но если Сережа командовал собаке: «Рэсси, пожалуйста, возьми на столе синий том сочинений Бурбаки и отнеси Электронике, а мне принеси мяч от пинг-понга», – Рэсси немедленно исполнял просьбу, потому что особые механизмы внутри него переводили обычные слова на язык математических символов и потом в сигналы, которые мгновенно находили в схемах его памяти нужную информацию – то, что люди называют словами «синий», «возьми», «мяч». Транзистор, который подарил Электроник, Сергей зашил в карман рубашки. Теперь во всем мире только два человека могли командовать Рэсси на расстоянии – Электроник и его друг.

Честно говоря, Сергей не уловил всех тонкостей погони, происходившей на маленьком экране, хотя Гель Иванович старательно объяснял ход событий. Но главное было ясно: светлая точка – охотник, за которого думала огромная умная машина, а темная точка в центре – Рэсси, который не хотел, чтоб его поймали. Рэсси был само спокойствие, он ни разу не взглянул на экран. Но его механизм напряженно работал, решая сложную задачу; сигналы от Рэсси шли по тонкому проводу к машине и отражались на экране. Две точки долго носились внутри какого-то цилиндра, скрученного и изогнутого, как причудливая раковина улитки или как фантастическая звездная спираль, и это закрученное пространство означало лес, поле, морские глубины или сам космос – все равно что, и жертва никак не давалась охотнику, все хитрила, делала петли, лишь бы не попасть в опасную, покрытую сумеречной тенью зону охотника, где он мог ее легко настичь.

Сыроежкин вспомнил, что так когда-то в поединке с громоздкой машиной обучался и Электроник. Профессор Громов сидел за пультом и давал ученику разные задачи; если Электроник ошибался, делал неправильный ход, профессор нажимал кнопку: стоп, ошибка! Электроник мгновенно запоминал ошибку и никогда не повторял ее... И вот теперь за пультом не Громов, а его бывший ученик. И профессор невозмутимо наблюдает не только Электроника, но и его новое изобретение.

– Отличный результат, – произнес Громов, – хотя две-три петли в действиях Рэсси были лишними. Я полагаю, Рэсси запомнит их и в следующий раз будет умнее.

Сергей сидел на корточках и гладил победителя. «Интересно, – думал Сыроежкин, – а в настоящей погоне сумеет он удрать от преследователя? Или я видел лишь математическую шутку?»

– Учись, Рэсси! – наставительно обратился Электроник к своему ученику. – Еще несколько уроков – и ты удивишь всех ловкостью и скоростью.

– Рэсси завоюет мир! – вспыхнул от внезапной догадки Сыроежкин.

– Мир очень сложен, – уточнил Электроник. – Но наш Рэсси – гибкая система, он умеет ориентироваться в меняющейся обстановке.

– Ты говоришь скучно. Рэсси рожден для подвигов. Иначе зачем его было изобретать?!

– Проверка новых схем – разве этого мало? Я вот сам...

– Ты – другое дело.

Они перешли из машинного зала в комнату лаборатории, потому что время их истекло и место у пульта заняли работники института. Громов не вмешивался в спор друзей, ходил из угла в угол, повторяя любимые шекспировские строки: «Есть многое на свете, друг Горацио, о чем не снилось даже мудрецам».

Потом они смотрели телевизор, и это тоже был урок для Рэсси. Зарубежное телевидение транслировало открытие зоопарка в далеком западноевропейском городе Теймере. Телекамеры, установленные на вертолетах, показывали зеркала прудов с журавлями, утками, фламинго, застывших на скале горных козлов, участок африканской степи с бегущими антилопами, мирное стадо слонов, дремлющих в зеленой роще.

Диктор объявил, что выступает хозяин самого большого в Европе зоопарка «Мир животных», доктор Манфред фон Круг. Доктор стоял в группе парадно одетых гостей и именитых горожан и негромким голосом говорил в микрофон:

«За последние сто лет на Земле исчезло более ста видов ценных животных. Люди уже никогда не увидят быстрого индийского гепарда, с которым выходили на охоту магараджи. Не коснутся доверчивого ленивца, не услышат пения морских сирен, пленивших спутников Одиссея. Сегодня на планете осталось четыреста тигров, семьсот леопардов, двести кашмирских оленей, сто двенадцать африканских носорогов и шестьдесят два индийских. Они тоже под угрозой вымирания – в последних уголках сохраненной природы, в заповедниках, в зоосадах, и наши потомки, возможно, будут знать тигра только по фотографиям».

– Мрачную картину нарисовал фон Круг, – заметил негромко Гель Иванович. – Можно подумать, что он и в самом деле заботится о будущем.

– А вы знаете его? – спросил Сережа.

– Встречались на заседаниях Международного Совета охраны животных.

«В наше время, – продолжал фон Круг, заняв своими темными очками почти весь экран, – в наши дни, когда весна приходит в город без пения птиц, без первых подснежников под деревьями, дети города неосознанно тоскуют по природе. Они хотят видеть зверей, слышать птиц! В этом „Мире животных“, – доктор взмахом руки указал на живописные ворота зоопарка, – среди обычных носорогов, гамадрилов, цапель есть особенные животные. По своему поведению и внешнему виду они не отличаются от живых собратьев. Наука сумела продлить их жизнь на долгое время, заменив некоторые органы и ткани надежными механизмами и материалами. И спустя десятилетия наши внуки будут приходить в „Мир животных“, кататься на спине верблюда, смеяться над проделками шимпанзе, рисовать тигра с натуры...»

– Ура! – закричал Сыроежкин. – Да здравствуют вечные тигры!

И смолк, увидев, что Громов качает головой, а Электроник сидит неподвижно.

«Мы указали возможный путь сохранения редких животных, и дело тех, кто охраняет и ценит природу, принимать его или отвергнуть. Двери моих лабораторий открыты. Как и ворота в „Мир животных“».

– Возмутительно! – громко сказал Громов. – Он загубил на свои опыты десятки редких животных.

– Загубил?! – пробормотал Сыроежкин, ничего не понимая.

А Электроник педантично повторил:

– Десятки ценных животных.

Профессор включил видеофон, набрал номер.

– Слушаю вас, Гель Иванович, – произнес человек с резкими морщинами на лице.

Сыроежкин узнал академика Немнонова, который выступал перед школьниками.

– Вы видели, Николай Николаевич, новое открытие фон Круга?

– Наблюдал. Наш с вами старый противник! – усмехнулся Немнонов.

– То, что он сделал, – горячо продолжал Гель Иванович, – противоречит элементарной этике ученого. Он даже не спросил мнения Международного Совета!

– Признаюсь, я тоже не ожидал, что фон Круг так скоро пойдет в атаку. Ваши предложения?

– Протест в Совет охраны животных... Далее, я срочно пишу и публикую статью о вреде подобной теории. Наконец, нам надо встретиться, подробно все обсудить.

– Согласен, Гель Иванович. Сегодня же вечером.

Экран погас, но профессор не мог успокоиться. Он ходил по комнате, забыв про ребят, обращался сам к себе:

– Я тоже хорош: не сумел вовремя закончить статью. Теперь и ребенку ясно: то, что обещает фон Круг, похоже больше на машину, чем на живое существо.

– Гель Иванович, – громко сказал Сергей, – а как же... – И Сыроежкин выразительно посмотрел на Рэсси.

Громов остановился, усмехнулся, поняв неоконченный вопрос.

– Рэсси – это Рэсси, а тигр есть тигр, – загадочно ответил он. – Ты никогда не встречался с тигром?

– Не-ет.

– Вот то-то. У него усы одни чего стоят! – Глаза Громова были серьезны, даже чересчур серьезны. – И еще вопрос, дорогой Сыроежкин, можно или нельзя сохранить на планете тигров?

Друзья выбежали в институтский двор.

– Рэсси, вперед! – командует Электроник.

И черный пес перепрыгивает высокий куст, мгновенно пробегает двор, скрывается в воротах.

– Рэсси, назад! – спокойно говорит Сергей, зная, что пес отлично слышит его в транзистор. Будь он за сто километров и позови Рэсси, тот примчится.

Рэсси возвращается к ребятам, садится у ног, смотрит в лицо. Что еще? Он ничуть не устал, бока не вздымаются, язык за зубами.

– Рэсси, отнеси записку профессору. – Электроник протягивает сложенный лист бумаги. – Я забыл с ним попрощаться.

– Рэсси, ко мне! Я тоже забыл...

Громов машет им в окно, шутливо произносит: «Ах вы, дети, ах вы, звери...»

Доктор Громов за свою жизнь создал немало механизмов, но всегда старался превращать неживое в живое, а не наоборот. Над ним подчас посмеивались, что он увлекается изобретением игрушек, – он не обижался, зная, что эти модели не менее ценны, чем большие машины. Его мотылек летел всегда на свет; рыжий лис с самыми правдивыми в мире глазами старался доказать, что он быстрее всех движется; болтливый попугай говорил на сорока языках... Гро-

мов вспоминал всех своих «детей», и ему было жаль их: они слишком старательно выполняли свою задачу, доказывая его, Громова, новые идеи. Верный мотылек, ежедневно прилетавший на свет ночной лампы, однажды был привлечен пламенем большого пожара и не вернулся... Почти все модели сломались и забыты, но схемы их вошли в книги по кибернетике: игрушки сослужили свою службу для науки. Остался Электроник да еще вот Рэсси. Сложнейшие механизмы. Что подскажут они ему, Громову, другим ученым? Трудно предвидеть...

Отгремели оркестры у всех двенадцати въездов в зоопарк. Воздушные шары в виде смешных зверушек уплыли в спокойное небо. Пестрые фирменные автофургоны с приглушенными моторами разъехали по дорогам. Взрослые и дети с любопытством смотрели в окна, ожидая, когда мелькнет в траве гибкое тело дикой кошки, пересечет дорогу задумчивый слон или промчится, хрустя ветками, носорог. В «Мире животных» звери бродили на свободе. В «клетках» на колесах путешествовали зрители, и это было необычно, забавно, слегка заставляло нервничать, хотя ни одно животное, как объяснили экскурсоводы, не нападало на машины. Иные зрители осматривали парк с бесшумных вертолетов, наслаждаясь соседством саванны и тайги, гор и пустынь, изучали в бинокли, азартно фотографировали ничего не подозревавших вольных жителей.

Здесь можно было увидеть обитателей разных континентов Земли. Гиганты тропических стран – слоны, буйволы, гиппопотамы – протаптывают в зарослях дороги к водопоям и солончакам; под гигантскими надувными куполами «Арктики» и «Антарктики» блаженствуют на льдинах белые медведи, моржи, тюлени, пингвины; на лесистых островах живут обезьяны; а вот – пустая еще чаша океанариума, где вскоре разместятся киты и дельфины.

От серых гранитных слонов, подпиравших спинами арку парадного входа, от причудливо изогнутых бронзовых деревьев, окружавших могилу естествоиспытателя прошлого века, чье имя, открывая церемонию, вспоминал профессор фон Круг, отъехал кортеж почетных посетителей. Хозяева торжествовали: их маленький скромный город Теймер, упомянутый в справочниках одной лишь строкой как родина великого зоолога, и сегодня привлекает внимание мира. Там, где несколько лет назад были пустыри, создан «рай животных всех континентов». Смешные воздушные шары – хвостатые, рогатые, глазастые – унес ветер, и, быть может, в каком-нибудь большом городе мальчишка поймает за длинную ногу цаплю, прочтет: «Мир животных». И навсегда запомнит названия зоопарка и таинственного далекого Теймера – такова сила рекламы...

Приземистый «шел» профессора замыкал кортеж машин. Фон Круг был в мрачном настроении. Он не собирался осматривать «Мир животных», но пришлось сопровождать гостей.

Что поделаешь, у известного человека всегда много обязанностей, и, даже если они неприятны, приходится их выполнять. Профессор в своей речи, которую транслировало телевидение на многие страны, обращался к детям, дарил им вечных животных. Фон Круга раздражали шум и непоседливость детей. Но он знал, что все великие изобретения должны быть обращены к потомкам. Детство самого фон Круга было суровым, он не любил его вспоминать. Приятны были лишь часы, проведенные в семейной библиотеке. Там, возле полок со старыми книгами, в немом разговоре с завоевателями прошлого, мальчик мечтал о славе, о могуществе, об управлении миром из полутемной комнаты старинного особняка...

Сидя неподвижно в машине, фон Круг видел, как неторопливым шагом, оглядываясь на автомобили, уходит от дороги группа львов, как наслаждаются в грязи бегемоты и носороги с белыми цаплями на спинах. Доктор различал среди животных свои «вечные модели», и ему казалось, что его жираф чересчур заученно объедает ветки дерева, что его зебра скачет как-то деревянно, что его слон, посыпая спину песком, не выражает всем своим видом никакого удовольствия.

Другие животные, не механические, а живые, привезенные из заповедников и зоопарков, не выделяли их из стада, относились как к равным, но доктор Круг отлично знал, что в сложной лестнице подчинения стада – от грозного вожака до последнего рядового – его животные занимали самую нижнюю ступень. Они не умели постоять за себя, не ведали чувства страха, не ощущали боли, не играли от избытка сил. Их не волновал запах крови. Они не испытывали вообще никаких чувств!

Возле птичьих озер фон Круг внезапно приказал Мику Урри свернуть, и профессорский «шел», отделившись от кортежа, направился к обезьяннику. Они проехали мимо острова с прыгающими в ветвях макаками, мимо лесного озера, посреди которого две группы шимпанзе устроили свой обычный «карнавал» с дикими криками, беспорядочной беготней, и выехали к вольеру горилл.

Автомобиль мягко затормозил. Фон Круг пошел дальше пешком. Туннель из прочнейшего стекла предназначался для посетителей, желавших встретиться лицом к лицу с грозными предками.

Двухметровая горилла показалась из леса и раскачивающейся походкой, опираясь одной рукой о землю, направилась к человеку. Спокойно и меланхолично подошла горилла к стеклу, выпрямилась во весь гигантский рост, остановилась, чуть заметно покачиваясь из стороны в сторону. Фон Круг снял очки, приблизил лицо к стеклу, сквозь которое отчетливо видна была волосатая, с вывернутыми ноздрями и глубоко запавшими глазницами, безобразная морда. С минуту они смотрели друг другу в глаза...



Потом зверь отвернулся и все так же меланхолично заковылял прочь.

Фон Круг сжал кулаки. Проклятье! Истинная горилла, если ей посмотреть прямо в глаза, примет взгляд как вызов, вступит в бой. Одним взмахом гигант способен оторвать голову человеку, не отделяя его, конечно, толстое стекло от противника. Это был лабораторный зверь. Безразличная механическая горилла.

– Домой! – велел фон Круг шоферу.

Урри, оглянувшись, впервые увидел глаза хозяина: бледно-голубые, сощуренные, они казались не столь грозными, как за стеклами очков.

– Вот что, Урри, – сказал по дороге барон фон Круг. – Есть только одна машина, которая наделена человеческими эмоциями. На первый взгляд игрушка; возможно, и в самом деле игрушка. Но не это важно. Модель профессора Громова обладает чувствами, недоступными пока никакой другой машине. Мне она необходима. Понятно, Урри?

Мик Урри отбросил ногой контрабас-футляр и, держа в опущенной руке стальной прут, двинулся к дивану. Только теперь, увидев презрительно блеснувшие глаза мальчишки, Урри понял непоправимость случившегося: он привез не машину, а очень похожего на Электроника мальчишку, возможно двойника. Урри всегда жил по принципу «да или нет» – победа или поражение, не допуская никаких случайностей. Случайности выводили уравновешенного Урри из себя. Он пролетел тысячу с лишним километров, благополучно миновал со своим «научным грузом» таможду, можно сказать, почти выполнил задание хозяина. И вот...

Урри не успел замахнуться на собаку: раздался сухой треск – зубы пса перекусили сталь. Нападавший со всей проворностью, на какую был способен, отскочил за квадратную машину.

«К дьяволу этого пса! – решил он, оценивая взглядом бешеного терьера. – Лучше перенести скандал, чем ходить без руки». – Он нажал в машине кнопку высокого напряжения.

Железный ящик, медленно подталкиваемый человеком, двинулся на собаку. Мальчик, забившись в угол дивана, следил за страшным механизмом. Терьер замер на месте и, казалось, пытался понять, что за чудовище хочет на него напасть. За жесткими прядями шерсти отчетливо горели зеленые глаза.

– Не надо! – испуганно закричал мальчик.

Его голос слился с треском сильного разряда. Человек упал.

Когда Урри открыл глаза, он увидел перед собой оскаленную пасть. Урри вскочил. Он не понимал, что случилось. На полу дымилась проводка от развалившейся машины...

Мик Урри сунул руку в карман. Он успел сделать только один бесшумный выстрел. В ту же секунду черная тень выбила пистолет. Рука Урри словно отнялась.

– Уходите скорее! – кричал мальчишка. – Уходите, а не то он вас... – И мальчишка прижал ладонь ко рту, вдруг вспомнив, что его предостережение может обернуться приказом.

Мик Урри толкнул плечом дверь и исчез в темноте профессорского кабинета...

– Пистолет против ребенка и собаки! – презрительно сказал фон Круг, наливая Урри воду. – Не кажется ли тебе, Мик Урри, что все это недостойно администратора?

– Это не собака! – Администратор осушил стакан, вылил остатки в ладонь, размазал по бритой голове. – Какая-то дьявольская штука!

Про оружие Урри ничего не сказал. Профессор, разумеется, знал, что пистолет стреляет сонными зарядами, мгновенно усыпляющими жертву. А если бы и пулями?.. У Урри сложилось странное впечатление, что собака старалась обезоружить его и не нападала всерьез.

– Отличная модель! – согласился фон Круг. – Узнаю руку профессора Громова. При всей его рассеянности и неповоротливости машина ему удалась. «Дьявольская штука»! Наконец-то, Урри, ты научился отличать модель от оригинала. Я доволен, что эта «штука» появилась в моем доме. Посмотрим, что она собирается предпринять...

Он усилил звук.

«Пойдем отсюда, Рэсси!» – раздался просящий голос.

На экране мальчишка подбежал к двери и оглянулся. Пес сидел на полу.

«Ко мне, Рэсси!»

Пес не шевельнулся.

«Что с тобой, Рэсси? – Мальчик вернулся к собаке. – Ты слышишь: я говорю – бежим!»

Пес не сдвинулся с места. Мальчик потер рукой лоб.

«Кажется, я догадываюсь... У тебя другой приказ... – Он оглянулся на дверь: не сказал ли что-нибудь лишнее? – Хорошо, Рэсси... покажи мне, и я все пойму».

Пес прыгнул на диван. Мальчик сел рядом. Пес вытянул лапы, положил на них голову. И мальчик лег, вытянувшись во весь рост.

«Ты будешь меня охранять... – сонным голосом сказал мальчик. – Я согласен... С тобой ничего не страшно... Я так устал...»

И пес радостно залаял.

– Кто у кого в гостях? – Фон Круг выключил звук.

Этого еще только не хватало! Нахальный мальчишка, укусивший его за палец, по-хозяйски улегся на диван. А помощник, который рукой может свалить быка, побежден машиной и выглядит беспомощным. Впрочем, Урри слишком механическая конструкция, новые изобретения вне его понимания... Профессор иронически взглянул на администратора:

– Теперь, Урри, чтобы выйти отсюда, тебе придется пройти мимо дивана. Так, Урри?

Урри молчал.

– Или, может быть, вызвать полицию? – Доктор нервно рассмеялся, и Урри удивленно взглянул на него. – На сегодня, я полагаю, достаточно приключений, – сухо заключил фон Круг и решительно направился к двери. – Оставайся в качестве заложника. У тебя будет время подумать о своей ошибке.

Его вернул телефонный звонок.

– Господин доктор, к вам прибыл гость. Это русский профессор Громов, – доложила секретарь с первого этажа. – Господин Громов просит принять его немедленно.

– Я готов принять господина профессора... – Фон Круг чуть помедлил. – И, пожалуйста, не провожайте господина профессора. Объясните, как пройти.

Сыроежкин не помнил точно, как его схватили, хотя это случилось сегодня утром, всего несколько часов назад. Был знакомый двор – и вдруг чужой дом, чужие лица.

Кажется, на пустынной улице к нему подошел грузный человек и как-то странно, по слогам спросил: «Э-лек-тро-ник?» – «Да», – кивнул Сергей: иногда в шутку он выдавал себя за знаменитого друга. И тут наступила темнота...

Мальчик успел лишь крикнуть: «На помощь, Рэсси!»

И Рэсси черной молнией выскочил из здания школы, услышав призыв. Огромными прыжками, удивляя прохожих и водителей, мчался он вдоль шоссе, слыша шепот мальчика и одновременно подавая сигналы тревоги Электронику, пока не прибежал на аэродром. Чемодан-контрабас уже погрузили в самолет, и Рэсси, пристроившись к чьей-то ноге, взбежал по трапу, на брюхе пополз под креслами. Он нашел то место, где под полом, в темноте багажника, в духоте чемодана, билось живое сердце, усиленное зашитым в карман транзистором, и стал царапать металл.

Рэсси получил приказ не отставать от Сыроежкина. Конечно, Рэсси не мог назвать Электронику ни аэродрома, ни номера рейса, но он точно указал направление, в котором бежал, время, когда он взлетел вместе с огромной машиной, и скорость полета. В пути он забрался в чью-то сумку и затих...

Профессор Громов и Электроник на аэродроме узнали по времени вылета пункт назначения – город Теймер. И тут впервые смутная догадка поразила профессора: «Неужели фон Круг?...» Город был знаменит зоопарком «Мир животных» и круговскими лабораториями.

Они приземлились в Теймере через час после Мика Урри, и Громов назвал шоферу такси адрес: «Особняк фон Круга». Сомнений больше не было: Электроник точно знал, что произошло в особняке...

– Без тебя – как без головы, – сказал профессор Электронику, с любопытством разглядывая улицы незнакомого города. – Ну как бы я догадался, где сейчас Рэсси, куда пропал Сергей и что вообще в наши дни может быть такое злодеяние?! Одного не могу понять: зачем фон Кругу потребовался твой приятель? Или он... – И Гель Иванович, взглянув на Электроника, загадочно прищурился.

Такси въехало в ворота, доставило гостей к подъезду особняка. Шофер откатил машину в тень. Громов и Электроник поднялись на третий этаж.

Хозяин встречал коллегу в приемной. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, к вошедшим метнулась черная собака, а за ней – мальчик.

– Гель Иванович! Электроник! Это я, Сыроежкин!..

Громов обнял бледного Сыроежкина.

– Ты не ошибся. Мы здесь... Мы с Электроником очень волновались за тебя. Мы приехали за тобой.

– Я ждал... Я знал... – смущенно забормотал Сергей. – Рэсси меня спас. А теперь вы... Электроник, как я рад!..

И он счастливыми глазами смотрел на своих. Потом стал трясти руку Электроника.

Одного взгляда на мальчишек, которые, улыбаясь, хлопали друг друга по плечу, доктору Кругу было достаточно, чтобы понять, почему его помощник допустил оплошность. Единственная в мире машина умела улыбаться и потому была неотличима от живого мальчика. То, что на языке науки называется машинной эмоцией, то, чего не хватало его механическим животным, – в двух шагах, рядом.

«Отлично, отлично, коллега Громов!» – про себя сказал фон Круг.

Он пригласил Громова в кабинет. Мальчики и собака остались в приемной.

– Я надеялся увидеть вас, господин Громов... – начал фон Круг, предлагая гостю сесть.

Громов не сел.

– Объясните, что все это значит, доктор Круг! – резко сказал он.

– Произошло досадное и неприятное лично для меня недоразумение... – Фон Круг развел руками.

– Прошу ответить на мой вопрос! – перебил гость. – Почему мальчик оказался в вашем доме?

– Отвечу вам точно. – Фон Круг холодно взглянул на гостя. – Для завершения работы мне нужны схемы машинных эмоций.

– Так вот вы какой!.. – задумчиво проговорил Громов. Глаза его изучали фон Круга, словно видели впервые. Не на конгрессе, не на заседании Международного Совета, не на экране телевизора – здесь, в своем доме, застигнутый в странной роли похитителя, фон Круг неожиданно произнес фразу без привычных красивых слов, фразу откровенную и циничную, которая с головой выдавала его беспомощность как ученого. Это понимали оба собеседника.

Русский профессор казался чересчур спокойным. Фон Круг неожиданно для себя представил медведицу, которая лениво следит за шаловливыми своими медвежатами, но мгновенно даст знать случайному любопытному, что такое материнская забота.

После неловкого молчания хозяин продолжал:

– Я писал вам. Ответа не получил.

– Именно поэтому вы решили присвоить мои схемы?

– Перейдем к делу. Здесь, за стеной, имеется модель...

Фон Круг кивнул на дверь, и Мик Урри, неподвижно сидевший в углу, понял этот знак по-своему: подскочил к двери и запер ее на ключ. Громов обернулся.

– Главный администратор, – совсем некстати представил своего помощника хозяин особняка.

Мик Урри демонстративно держал в руке ключ. Доктор Круг сделал вид, что не замечает мрачной решительности помощника.

– Хотя я и уважаю ваш талант, – холодно продолжал фон Круг, – вы всегда были непрактичным человеком. Не поняли до сих пор, что жизнь есть борьба. Математики, к вашему сведению, так же лихо съедают друг друга, как и акулы. Если опоздал на день и не доказал сегодня теорему, то завтра уже гремит имя другого ученого. Мы с вами соперничаем давно, и вы, господин Громов, должны признать, что в соревновании новейших моделей я обогнал вас. Не хватает лишь деталей. Говорю все прямо, с глазу на глаз – эта груда мускулов не в счет! – Фон Круг кивнул на Урри.

– Господин фон Круг, – спокойно обратился Громов к противнику, внимательно выслушав его, – кто кого обогнал, я не знаю, потому что лично я с вами не соревнуюсь. Надеюсь, что оценку наших работ дадут специалисты, и в частности Международный Совет. Я всегда считал вас человеком наблюдательным и педантичным. Очень жаль, что знакомство с моей новой моделью ничему не научило ни вас, ни вашего помощника, который к тому же так дурно воспитан, что закрывает гостя на ключ.

Упоминание о собаке взбесило Урри. Он покраснел от гнева, шагнул, сжав кулаки, к хозяину Рэсси.

– Меня зовут Мик Урри, господин профессор, – прохрипел он. – Я ошибся только раз в жизни... Мы тут одни, господин профессор... Мальчишки не в счет!

В тишине щелкнул замок, и слабый этот звук произвел впечатление выстрела. Фон Круг резко обернулся к двери. Его помощник туго соображал, что произошло: «Дьявольская машина отмыкает замки?»

Громов с улыбкой наблюдал, как в открытую дверь вошел невозмутимый Рэсси. Внезапно Урри схватил тяжелое кресло, поднял над головой. Маленький терьер вырос перед ним на длинных ногах.

Гигантская, как почудилось Урри, куриная лапа, странно согнувшись, мощным ударом отбросила его вместе с креслом. Урри потерял сознание.

– Ну, это уже слишком... – пробормотал фон Круг и, сдвинув стенную панель, вошел в лифт, которым пользовался только он. – Можете экспериментировать без меня! – крикнул он из лифта.

Панель скользнула на прежнее место.

– Совершенно с вами согласен, – сказал рассеянно Громов. – Впрочем, доктор Круг... куда вы?.. – Профессор совсем растерялся, наблюдая поспешное отступление хозяина. – Рэсси, что за странный поступок! Вернее, не Рэсси – Электроник...

А Рэсси, сложив и втянув страусиные ноги и снова став терьером, обежал вокруг кабинета, зарычал из-под стола, щелкнул какой-то кнопкой. Гель Иванович с осуждением взглянул на собаку, потом – на Электроника.

– Что тут происходит? Электроник, обдумывай строже команды. Я просил только отворить дверь... Но это вовсе не значит, что надо сбивать с ног и останавливать лифт между этажами.

– Он уже застрял, – скрипуче произнес Электроник.

– Пусть знает! – подхватил Сыроежкин. – В чемодане еще хуже.

Громов усмехнулся:

– Вы, пожалуй, правы! Наш хозяин не очень гостеприимен. Теперь волей-неволей ему придется поскучать. Электроник, попроси Рэсси на всякий случай узнать, как там самочувствие доктора.

Рэсси встал у выдвижной панели, и Электроник скрипуче объявил:

– Лифт между вторым и первым этажами. Шахта ведет в подвал. Никаких особых звуков из шахты не слышно.

Мягко прогудел сигнал, включился динамик.

«Алло, „Пеликан“, – прозвучал далекий голос, – вас вызывает „Двадцать шестой“. Господин профессор срочно просит „Двадцать шестой“...»

– При чем тут пеликан? – удивился Гель Иванович. – Один профессор подойти не может, – сказал он, обращаясь к динамику, – а другой как будто не имеет полномочий отвечать за него...

«Там что-то случилось? – подумал Сыроежкин. – Кому-то срочно нужна помощь?»

– Гель Иванович, скажите им что-нибудь!..

Гель Иванович стоял посреди кабинета и пускал из трубки клубы дыма. «Двадцать шестой» трижды вызывал «Пеликана». Потом другой голос, такой же далекий, но поглубже, отчетливо произнес:

«Докладывает командир „Двадцать шесть“. Задание для „Мира животных“ выполнено. Отловлено более пятидесяти первоклассных экземпляров. Завтра утром груз будет погружен в самолеты. Программа номер два тоже выполнена. Пеленгатор зафиксировал сто сорок восемь сигналов. Данные переданы на указанной волне...»

Во время бесстрастного доклада Громов приблизился к письменному столу и как бы в раздумье опустил пальцы на пульт. Но он уже не колебался: включился в разговор.

– «Двадцать шестой», где вы сейчас находитесь?

«Рад слышать вас, господин профессор. – Голос в динамике чуть смягчился. – В квадрате одиннадцать – сорок два. Сейчас привал, у нас утро. Двигаться можно только ночью».

– Жарко? – участливо спросил профессор.

«За пятьдесят! Прямо скажем – пустыня! Но ребята держатся. „Сонные стрелки“, господин профессор, не жалея сил, отрабатывают свое жалованье. – Голос в динамике задрезжал: далекий собеседник, видимо, засмеялся. – Вы будете довольны. До свидания, господин профессор!»

– До свидания.



Сыроежкин, понимая, что случилось что-то необычайное, вопросительно смотрел на профессора. Электроник спокойно ждал распоряжений.

Громов, выключив динамик, опустился на стул. Потом встал, подошел к большой карте Африки, отыскал, сощурившись, нужный квадрат, пробормотал:

– «Сонные стрелки»... Вот они где...

– Здесь за стеной установлена электронная машина, – спокойно сообщил Электроник. – Рэсси чувствует ее тепловое излучение.

– Раз Рэсси чувствует, значит, машина работает, – согласился Громов. – Программа номер два... Что это такое? Как это я забыл спросить?!

– Все данные есть в машине, – спокойно продолжал Электроник. – Я могу запомнить последние сообщения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.